

Плисецкая Майя

фев. 2000

ПОСЛУЖИЛИ

«Д О КИХ ПОР можно танцевать? — в сердцах выговаривала, бывало, Майя Михайловна домработница Катя, ставшая за долгие годы работы полноправным членом семьи Плисецкая-Щедрин.

Кати не стало. И уже сама Майя Михайловна говорит, что, мол, да, та была права, и в самом деле: “До ких пор?..”.

Однако танцует. Да еще как! А разве можно укротить то, что как пламень бушует внутри?

Не случайно Плисецкая в своих полетах на сцене ощущает сродство со стихией, вечностью, водой, небом... Она и в самом деле — явление природы. В ней заключена магическая плазма жизни — подвижная, трепещущая, солнечная. Она излучает вокруг себя энергию такой гипнотической силы, что попавшие в ее лучи, остаются преданными ей всю жизнь.

Так случилось и с моей внучкой. Ей было семь лет, когда она увидела несравненную Балерину в московском шоу “XX век. Майя Плисецкая — Пьер Карден”. Та вышла на сцену, будто жрица, в длинном платье стального цвета из твердой, почти прозрачной материи, на котором вспыхивали фосфоресцирующие мотыльки, а в движущихся руках были обручи, светящиеся на концах. От ее фигуры словно исходили волшебные стрелы. Одна из них, несомненно, попала и в мою Настену.

Она видела потом записи с завораживающими танцами Плисецкой. Бывала и на спектаклях Большого театра, аплодировала его молодым звездам, но сердце ее волнуется только при одном имени — Майя. Загадка! И как когда-то сама Майя Михайловна грезил Милицией Корьюс из фильма “Большой вальс”, теперь внучка грезит этой непостижимой богиней танца.

Впрочем, у Балерины нет и тени небожителства. Перечитайте ее книгу “Я, Майя Плисецкая”, и вы убедитесь, что она далеко не в восторге от себя. Откровенно пишет и о своей конфликтности, и о том, что может быть расточительной и жадной, смелой и трусихой, королевой и скромницей, и что она, изрядная лентяйка, нередко выходила на сцену холодная — без станка, а надо было бы разогреться, и что была мало внимательна к людям... На все у нее свой взгляд, свои оценки событий и людей.

Она не только рыжая, но еще и родилась семимесячной. Такие дети, как говорят, всегда особенные. Видимо, при рождении девочки около нее собрались все феи и щедро одарили дитя своими подарками. Создатель же явно поцеловал Майины ножки и влил в нее волшебный сок жизни, который кипит в ней и по сей день.

Особенность ее проявилась еще в младенчестве. Майя и ходить-то начала в восемь месяцев. К тому же она левша. В детстве, как признается, нещадно изводила родных, каждый день танцуя, что-то изображая, шумя, лицедействуя. В тридцать четвертом ее привели в хореографическое училище. Усталости не знала никогда. Сегодня тоже. Но вот беда — не спит по ночам. Наверное, такова цена таланта.

Нахлебалась в жизни всего, да вдоволь. На сердце много рубцов. Когда ей было одиннадцать, арестовали отца. В тридцать восьмом году его расстреляли. Через год арестовали и мать. К счастью, Рахиль Михайловну освободили в апреле сорок первого. И тут грянула война.

В сентябре Майя с мамой и братом оказались в Свердловске, думали, туда будет эвакуирован Большой театр. Однако только часть его труппы и балетной школы уехала из Москвы, да и то в Куйбышев. Целый год Майя не занималась любимым балетом. В шестнадцать с половиной вдруг отчетливо поняла, что если пройдет еще год, то с мечтой о сцене придется распрощаться. И решилась на отчаянный шаг — возвращаться в Москву. Но без специального разрешения сделать это было практически невозможно. И все же рискнула — поехала зайцем. На московском вокзале пристроилась к старичку инвалиду, помогла поднести ему саквояж и проскользнула мимо военного патруля... Невероятно, но факт.

В училище Майя быстро наверстала упущенное и в марте сорок третьего

ПЛИСЕЦКАЯ. ЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ

сдала выпускной экзамен. “Впереди была моя собственная война. За место в жизни”, — признается Балерина.

Долгое время при советской власти Майя Михайловна была невезучей. КГБ неустанно следил за дочерью “врага народа”, имевшей к тому же и богатого заокеанского дядюшку, сын которого был советником по юридическим вопросам Джона Кеннеди. Родственники за границей были в те годы великой провинностью. На Балерину собирался компромат, будто бы она работает на английскую разведку. Такие были времена.

А Плисецкая назло всему и всем танцевала. Два ее “опальных” спектакля “Лебединое озеро” в пятьдесят шестом году (ее не выпустили тогда на знаменитые гастроли Большого в Лондоне) были так эмоциональны, что поднялись выше их уровня ей позже, как думает, уже не удавалось.

Балерина словно соткана из страсти и своеволия. Когда она на сцене, кажется, что разговаривает с небом. Однако в жизни крепко стоит на ногах. Верит в судьбу, но еще больше — в характер. Для балерины, считает она, очень важно, чтобы голова была на плечах. На ее лебединой шее всегда была голова. Она никогда не склоняла ее. Майя благодарна своей судьбе, что выдюжила, не сломалась, не сдалась. “Ошейника на шее не хочу”, — говорит она.

И добила своего. Жар-птицу выпустили наконец из клетки. Сначала — в Прагу. А потом и по городам Америки. Повсюду ее ждал триумф. Легкие ноги, божественные руки, прыжки до самого поднебесья, природный артистизм и музыкальность, и то, что мы сегодня зовем харизма, принесли ей легендарную славу. Ее ослепительный танец воспламенял дух. Он и возвел Плисецкую на самую вершину балетного олимпа.

Танцевала повсюду. Но самыми прекрасными подмостками мира считала и считает сцену Большого театра — по расположению, по масштабу, по наклону и по доскам. И говорит, что Большой театр можно только обожать.

“Постоянно испытываю желание танцевать на родной сцене, — говорит Балерина. — Всегда чувствовала себя на ней лучше, чем в жизни. Перед выходом, конечно, волновалась. Но никакого мандража, когда руки-ноги трясутся, не было. Если и дрожала, то как лошадь на старте.

В семьдесят пять она снова танцует в Большом театре. И снова — огонь в ее изумрудных глазах... И снова — бесконечно утонченно-красивая... 20 ноября на сцене

Большого театра состоялся юбилейный вечер Майи Михайловны Плисецкой. Программу гала-концерта по ее просьбе — любительницы всего

новенького — Гедиминас Таранда составил из имен и постановок, незнакомых еще московским балетоманам.

Сама виновница торжества исполнила трехминутную миниатюру — подарок Мориса Бежара — “Аве, Майя” на музыку Баха-Гуно, а также фрагмент из его же балета “Айседора” и в финале вышла со всеми участниками праздника в хореографической картине на сюиту Чайковского “1812 год”.

Скорее бы выйти. Не боялась ни сцены, ни зала. Это моя стихия”.

И еще поступок, который выражает суть ее стoisической натуры. Однажды во французском Авиньоне шел балетный конкурс. Майя танцевала “Умиряющего лебедя”, а он длится всего четыре минуты. И только она начала спиной выплывать на сцену, как услышала: кап-кап-кап... Пошел дождь. Сначала огромными каплями, потом все чаще и чаще. И в конце концов — стеной. Зрители, заметила она, спрятались под зонтиками, накрылись газетами. А она продолжала танцевать, как будто ливня и вовсе не было. Под цветом фонарей дождь казался ей каким-то серебристым, как на елке. Тут она увидела, что публика стала складывать зонты, убирать бумаги. И танцевала до тех пор, пока не отклеились ресницы и не упала пачка. На сцене были лужи, а она сделала вид, будто все сухо, все прекрасно... Вот вам и явление природы.

Все балетные лики Плисецкой уникальны — и Одетта-Одиллия, и Зарема, и Китри, и Лауренсия... Но Умиряющий лебедь и Кармен — верх совершенства. Ни одна из балерин мира не смогла ни на йоту приблизиться к ней в их исполнении. Непревзойденны и ее истинные королевские поклоны. Они остаются в руках зрителей как хвост от только что пролетевшей на сцене кометы. Так замыслила она сама.

А Бетси из фильма “Анна Каренина! Подобной аристократки не было, пожалуй, больше на советском экране. Музыку к картине написал Родион Щедрин. Она была так театральна и выразительна, что Майе Михайловне стало ясно: можно делать балет. И она сотворила как балетмейстер свою первую постановку — “Анну Каренину”.

Костюмы придумал Пьер Карден. Они познакомились на спектакле “Кармен” в том самом Авиньоне, где когда-то Майя танцевала своего Лебедя. С тех пор он одевает всех ее героинь. (И в нынешний свой юбилей она была в костюмах от Кардена.)

Потом Плисецкая ставила “Чайку”, и опять на музыку Щедрина. К своему шестидесятилетию получила от мужа в подарок “Даму с собачкой”. “Музыка Щедрина сочная, как антоновское яблоко”, — говорит Майя Михайловна.

Однажды я спросила Балерину: — Вам поклоняется весь мир. А кому — вы?

— Щедрину.
— Могли бы назвать еще кого-либо?
— А разве этого мало? — был ответ.

Они познакомились, когда Плисецкая была уже знаменита и на ее спектаклях с верхних ярусов лился фантастический дождь цветов из рук ее поклонников во главе с незабвенной Шурой, Александрой Борисовной, полвека служившей ей и трагически погибшей 8 августа в переходе на Пушкинской площади. А Щедрин знал тогда лишь профессионалы, которых он удивил дипломным сочинением — Первым фортепианным концертом.

Встретились у Лили Брик. Щедрин писал музыку на “Левый марш” Маяковского. Майя услышала в ней стихотворный ритм поэта... А поженились 2 октября 1958 года.

“Эта дата для меня — самая, самая. Главнее не было... Щедрин для меня — вся жизнь... Ради того, чтобы испытать любовь, стоило родиться на свет”, — говорит жрица танца. Она буквально молится на мужа. Жизнь без него не может себе представить даже в хрустальном замке где-нибудь на Канарах.

Он же как-то признался, что, если бы не встретил тогда свою Майю, искал бы ее всю жизнь.

Публично она называет его просто: Щедрин. А дома — Тепа. Он ее — Мася. В первые годы совместной жизни муж репетировал с женой все балетные поддержки. Через два года после бракосочетания Балерина станцевала Царь-девицу в щедринском балете “Конек-горбунок”. Плисецкая наделила ее озорством, лукавством, юмором, всем тем, что в изытке и в ней самой.

Позже по просьбе жены Щедрин сочинил знаменитую “Кармен-сюиту”. “Он писал балеты прямо мне в помощь, — не скрывает Балерина, — в вызволение от надвигающегося возраста: новый репертуар обязательно выведет в следующую ступень искусства, он один может уберечь от театральных злокозней, от самоповтора, от втаптывания, погружения в инертность, в бездействие...”

Самое важное для Плисецкой — угодить себе. Она весьма самокритична, считает, что во многом с самого начала надо было вести себя иначе. “Щедрин всю жизнь ходил за мной с тряпкой”, — как-то призналась она. А Белла Ахмадулина заметила, что Майя всегда была хранима и лелеяна Родионом.

В ее жизни было много мистического. Она верит, что у каждого человека есть ангел-хранитель, он посылает нам сообщения. К сожалению, мы не прислушиваемся к ним.

“У меня было много таких посланий, — говорит Майя Михайловна. — Если бы к ним прислушивалась, избежала бы многих неприятностей”.

На мой вопрос, а может быть, это наш внутренний голос или интуиция, Балерина ответила:

“Что такое внутренний голос? Я не знаю. Для меня это звучит абстрактно. Надо просто включать мозги — подумать, почему лучше сделать так, а не иначе. Интуиция — тоже от Бога”.

У супругов есть свой дом в Литве, под Тракаем. Особенно часто там бывает Родион Константинович. Он заядлый рыбак. Но уже несколько лет именитая чета живет в Мюнхене. Больше всего они любят быть вдвоем, живут интересами и заботами друг друга. Майя Михайловна, как оказалось, даже готовит. Варит суп, любит грибной с перловкой. Солит огурцы. Щедрин ходит в магазины, моет посуду... Постоянно разговаривают с родными и близкими в Москве.

Однако семейная идиллия случается не так часто. И муж, и жена востребованы во всем мире. Майя Михайловна только что вернулась из Японии, где в спектакле “Крылья кимоно” традиционного театра “Но” играла Царицу Луну, спустившуюся на землю. И снова новый проект. Швейцарцы предлагают участвовать в постановке “История солдата” Игоря Стравинского. Не отказалась бы она сыграть и в кино что-нибудь мистическое, как у Хичкока...

Майя Плисецкая во всем непостижима и непредсказуема, как, впрочем, и любое явление природы. Ей можно только удивляться и, не переставая, ею восхищаться. Как это и сделал Морис Бежар, посвятив ей хореографическую молитву “Аве, Майя”.

Лидия НОВИКОВА.